

Heidegger, 1954 – *Heidegger, Martin*. Die Frage nach der Technik. // Die Kunste im technischen Zeitalter. München, 1954.

Diels, 1903 – *Hermann Alexander Diels*. «Die Fragmente der Vorsokratiker» 1903.

Ценность и смысл..., 2024 – Ценность и смысл. Spravochnick.ru. URL: https://spravochnick.ru/filosofiya/cennost_i_smysl/. (дата обращения 13.07.2024).

Филатов, 2023 – *Филатов Л. А.* Про Федота-стрельца, удалого молодца. М.: Зебра Е, КТК Галактика. 2023.

Скороговорка. URL: <https://skorogovor.com/dlinnye-skorogovorki/s-tochki-zreniya-banalnoj-eruditsii-kazhdyj-individuum> . (дата обращения 25.06.2024)

СМЫСЛ. Философская энциклопедия. Национальная энциклопедическая служба. URL:

<http://terme.ru/termin/smysl.html#:~:text=%D0%A1%D0%BC%D1%8B%D1%81%D0%BB%20%E2%80%93%20%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D1%8F%D1%82%D0%B8%D0%B5%2C,%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D0%B0%D1%85%20%D1%86%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8/> (дата обращения 25.06.2024).

УДК 141.5

Кононова Е. С.,

*кандидат философских наук, доцент,
Орловский государственный университет им. И. С.Тургенева*

Финогентов В. Н.,

*доктор философских наук, профессор,
Орловский государственный аграрный
университет им. Н. В. Парахина*

О субъектности человека

DOI: 10.33979/2587-7534-2024-3-35-47

В данной статье мы анализируем проблему субъектности человека. Прежде всего, мы даем в ней предварительное описание нашего понимания субъектности человека. Здесь же мы подчеркиваем то принципиально важное обстоятельство, что субъектность является фундаментальным и конституирующим началом в человеке. Указывается также, что содержательная и системная характеристика субъектности человека представляет собой чрезвычайно сложную исследовательскую задачу. Формулируется предположение, согласно которому трудности в понимании субъектности человека являются одной из причин распространенности

позиции её отрицания. Далее критически обсуждаются основные типы отрицания субъектности человека, представленные в истории духовной культуры: натуралистическое отрицание, теоцентристское отрицание, социоцентристское отрицание. Особое внимание в статье уделено рассмотрению отрицанию субъектности человека, представленному в работах современных нейробиологов. В заключении критической части статьи мы даем краткий анализ постмодернистской идеи «смерти субъекта». В статье также формулируется и обосновывается предположение, в соответствии с которым субъектное начало в человеке – это творец, хранитель и страж ценностей и смыслов.

Ключевые слова: субъектность человека, натуралистическое отрицание субъектности человека, теоцентристское отрицание субъектности человека, социоцентристское отрицание субъектности человека, постмодернистская идея «смерти субъекта», ценностно-смысловой уровень бытия универсума.

Kononova E. S.,

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Orel State University named after I. S. Turgenev*

Finogentov V. N.,

*Doctor of Philosophy, Professor,
Orel State Agrarian University named after N. V. Parakhin*

About human subjectivity

In this article, we analyze the problem of human subjectivity. First of all, we give in it a preliminary description of our understanding of human subjectivity. Here we emphasize the fundamentally important fact that subjectivity is a fundamental and constitutive principle in man. It is also pointed out that the substantive and systemic characterization of human subjectivity is an extremely difficult research task. The assumption is formulated according to which difficulties in understanding human subjectivity are one of the reasons for the prevalence of the position of its denial. Further, the main types of denial of human subjectivity presented in the history of spiritual culture are critically discussed: naturalistic denial, theocentric denial, sociocentric denial. Special attention is paid in the article to the denial of human subjectivity, presented in the works of modern neuroscientists. In the conclusion of the critical part of the article, we give a brief analysis of the postmodern idea of the "death of the subject". The article also formulates and substantiates the assumption that the subjective principle in man is the creator, keeper and guardian of values and meanings.

Keywords: *human subjectivity, naturalistic denial of human subjectivity, theocentric denial of human subjectivity, sociocentric denial of human subjectivity, postmodern idea of "death of the subject", value-semantic level of being of the universe.*

1. Первоначальное описание субъектности человека

Прежде всего, дадим предварительное описание нашего понимания субъектности человека.

Итак, субъектность – это сущностное, конституирующее человека качество. Субъектность человека, несомненно, имеет природные (биологические, прежде всего) основания, но это именно социокультурное (духовное) его качество. Субъектность человека – это такое его качество, наличие которого позволяет утверждать, что человек сам (*autos, self, selbst*) способен принимать решения. Субъектность – это способность человека совершать свободные поступки. Субъектность – это автономия человека, это его способность жить в соответствии с его собственными желаниями и правилами; это способность человека выстраивать свои собственные жизненные проекты и стремиться к их осуществлению. Субъектность человека является необходимым условием осуществления ценностно-смыслового уровня бытия универсума. Субъектность – это активное, творческое начало в человеке. Субъектность человека – это его вменяемость, то есть способность человека осознавать опасность своих действий и, соответственно, способность нести моральную и правовую ответственность за совершение этих действий.

Начиная разговор о субъектности человека, вполне уместно будет вспомнить известного персонажа Ф. М. Достоевского: «человека из подполья». Этот персонаж, кроме всего прочего, страстно защищает свой собственный каприз, свое собственное, «пусть глупое», желание. В частности, он выступает за возможность «показать язык или кукиш в кармане» «хрустальному зданию» ... [Достоевский, 1982: 426, 427 и др.] Очевидно, что этот персонаж Достоевского – не очень приятный человек. Но его позиция, пусть нарочито вызывающе выраженная, как минимум, заслуживает внимания. Фактически, если говорить на языке данной статьи, он защищает свою собственную субъектность. В самом деле, если все в жизни человека (его мысли, поступки, обстоятельства) будет ему предзадано природой, обществом или Богом, даже если это предзаданное будет максимально рациональным и гармоничным («хрустальное здание», по формулировке «человека из подполья»), то где, собственно говоря, сам этот человек?! Если человек своей жизнью только наполняет уже готовые, навязанные ему природные и социальные формы, то чем он отличается от какого-либо пассивного материала, субстрата?! Правомерны ли в таком случае похвалы и упреки, поощрения и порицания, награды и наказания по отношению к человеку?!

Разумеется, признание субъектности человека ничуть не отрицает того, что он в своих поступках, мыслях и желаниях многообразно детерминирован самыми различными причинами, факторами и условиями. Речь здесь идет

только о том, что бытие человека не полностью детерминировано этими причинами, факторами и условиями. Речь у нас идет только о том, что эти причины, факторы и условия всегда оставляют некий «зазор», который и заполняется самодетерминацией человека. Но наличие этого «зазора» принципиально важно для бытия человека, ибо этот «зазор» заполняется его субъектностью.

Конечно, нередко субъектность человека почти не видна. Дело в том, что она зачастую почти полностью подавляется соответствующими природными (биологическими в частности) и социокультурными детерминациями.

Так, субъектность человека была минимальна на ранних стадиях развития человечества, когда человеческие сообщества вели, так сказать, роевой образ жизни. И каждый человеческий индивид был тогда всего лишь частичкой первобытного коллектива, который и был тогда настоящим субъектом. В этот долгий период вся жизнь индивида, по сути, полностью регулировалась тем, что можно назвать социальными инстинктами: традициями соответствующего сообщества.

Субъектность человека зачастую систематически подавлялась и на последующих ступенях эволюции общества. В частности, это имело место в тех сообществах, в которых происходило насаждение определенного мировоззрения. Такое мировоззрение считалось в этом сообществе единственно истинным и безальтернативным. Это явление можно вслед за Н. А. Бердяевым назвать «диктатурой мирозерцания» [Бердяев, 1994: 324-340]. Подавление субъектности человека происходило, в том числе, тогда, когда власть имущие навязывали людям соответствующие ценностные ориентации, а также правила и нормы жизни, когда власть имущие через систематическое применение насилия заставляли всех членов данного сообщества жить по команде и, образно говоря, «ходить строем». Как известно, подобное имело место в различных вариантах тоталитарного общества. Минимизации и, может быть, даже уничтожению субъектности человека, скорее всего, будет способствовать тенденция кибернетизации (информатизации) человека, о перспективе которой так много пишут в наши дни представители различных вариантов трансгуманизма.

Но подспудно субъектность человека присутствовала, пусть минимально, даже в только что указанных неблагоприятных для ее осуществления ситуациях. В других – более благоприятных – ситуациях она отчетливо и ярко заявляет о себе. Наверное, правомерно утверждение, что все выдающиеся достижения человека в самых различных областях социокультурной жизни (в искусстве, в науке, в политике и т. д.) сделаны именно благодаря наличию у него этого замечательного качества: субъектности. Именно она позволяет человеку говорить о себе в первом лице. Именно она позволяет человеку сказать: «На том (я) стою и не могу иначе!» Другими словами, именно она позволяет человеку сформулировать его собственные убеждения. Именно она позволяет человеку отстаивать эти убеждения. Именно она позволяет ему воплощать эти убеждения зачастую с опасностью для его жизни.

Из нашей отсылки к «человеку из подполья» понятно, что признавать субъектность человека – это совсем не значит обязательно считать его добрым, милосердным, справедливым и т.п. Субъектность человека, как и сам человек, может иметь самое разное наполнение: и высоконравственное, и преступное, и гениальное, и посредственное. Субъектность человека, как почва, из которой – это общеизвестно – вырастает и прекрасная роза, и ядовитое растение, и обычный одуванчик.

Очевидно фундаментальное значение обсуждаемого понятия для понимания и оценки человека. В некотором смысле субъектность является атрибутивным и конституирующим качеством человека. Можно сказать, что лишить человека по тем или иным причинам субъектности, значит, отрицать его уникальный статус. По сути, лишить человека субъектности, значит, уничтожить его человеческое достоинство.

Действительно, если в той или иной форме отрицать субъектность человека, то мы неизбежно приходим к весьма обедненному пониманию человека и к чрезвычайно низкой оценке его статуса. Так что, в общем, позиция, отрицающая субъектность человека, на наш взгляд, явно неубедительна и, добавим, в некотором смысле опасна для человека. С другой стороны, развернутая и последовательная характеристика субъектности человека чрезвычайно затруднительна. Об этом свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что все понятия, которые обычно используются для разъяснения субъектности человека, – личностное начало, воля, самость – до сих пор, как нам представляется, недостаточно прояснены. Причем, чем более настойчиво и глубоко всматриваются исследователи в содержание этих понятий, тем больше вопросов и неясностей у них возникает. Видимо, это совсем неслучайно. Видимо, это свидетельствует о том, что, обсуждая вопрос о субъектности человека, мы касаемся сердцевины антропологической проблематики, касаемся той глубины, которая делает человека человеком. Добавим к сказанному, что, по всей видимости, в конечном счете, именно эти трудности и ведут к тому, что позиция отрицания субъектности человека остается по-прежнему достаточно распространенной. Однако, несомненно, что сложность, масштабность какой-либо проблемы отнюдь не является достаточным основанием для того, чтобы объявить ее несуществующей. Так и в данном случае невероятная трудность проблемы субъектности человека, конечно, не делает ее несуществующей.

Понятно, что авторы настоящей статьи не настолько наивны, чтобы надеяться на то, что осуществляемое ими здесь обсуждение вопроса о субъектности человека приведет их к более или менее полной характеристике субъектности человека. Наша задача здесь достаточно скромна. Во-первых, мы хотим еще раз подчеркнуть, что позиция отрицания субъектности человека некорректна, не выдерживает сколько-нибудь серьезной критики и, кроме того, влечет очень серьезные негативные, как теоретические, так и практические следствия. Во-вторых, мы выскажем некоторые, как нам представляется,

конструктивные гипотезы, позволяющие выявить определенные черты субъектности человека.

2. Обсуждение различных вариантов отрицания субъектности человека

Вернемся, однако, к обсуждению мировоззренческой позиции, сторонники которой, так или иначе, отрицают субъектность человека.

Следует иметь в виду, что в истории духовной культуры представлены различные типы отрицания субъектности человека. В предварительном плане можно выделить три основных типа отрицания субъектности человека: а) натуралистические отрицания; б) теоцентрические отрицания; в) социоцентрические отрицания.

Кратко и в самых общих чертах познакомимся с ними. Различные варианты натуралистического отрицания субъектности человека содержат предположение, согласно которому человек полностью подчинен разнообразным природным (прежде всего, космическим и биологическим) детерминациям. Так, в свое время многие мыслители (П. Гольбах, Ж. Ламетри, П. С. Лаплас и др.) истолковывали жизнь и деятельность человека в рамках механистического мировоззрения. Они были убеждены, что поскольку люди состоят из тех же молекул и атомом, что и другие природные тела, а молекулы и атомы всегда подчиняются известным законам механики, постольку все поступки человека предопределены и их, в принципе, можно однозначно рассчитать. Другие авторы, явно или неявно отрицающие субъектность человека, видят в нем лишь генетически определенный во всех своих проявлениях организм. Существенные элементы такого рода генетического детерминизма содержатся, например, в работах авторов, развивавших различные варианты евгеники. К натуралистическому типу отрицания субъектности человека относится также то его отрицание, с которым мы встречаемся в трудах некоторых современных специалистов по нейробиологии. К обсуждению этой вариации натуралистического отрицания субъектности человека мы обратимся чуть ниже.

Многообразные виды теоцентрического отрицания субъектности человека исходят из того, что человек во всех его жизненных проявлениях, в конечном счете, определяется волей всемогущего Бога или (и) его антипода, дьявола. Показательно в этом плане название одной из книг М. Лютера: «О рабстве воли». Здесь он подчеркивает, что «свобода воли – пустой звук», что «ничего мы не совершаем по своей воле, а всё происходит по необходимости ... в зависимости от предвиденья Божьего», что «свободная воля ... это царство сатаны» [Лютер, 1986: 369, 436, 429]. Хорошо известным является также учение Ж. Кальвина о божественном предопределении судьбы (в том числе, и посмертной) человека. Весомо представлено учение о предопределении всего сущего всемогущим Аллахом в мусульманстве. Существенные элементы учения о божественном предопределении мы находим в работах многих религиозных мыслителей, в том числе и современных.

Сказанное не следует понимать так, что теизм вообще отрицает субъектность человека. Это, конечно, не так. Признание свободы человека и убежденность в персональной ответственности человека весомо представлены во многих видах теоцентрического мировоззрения. Более того, следует сказать, что человек, с точки зрения теоцентрического мировоззрения, является не просто одним из творений Бога. Теизм утверждает, что человек сотворен по образу и подобию Бога. Соответственно, такое мировоззрение утверждает, что человек может спастись только через приобщение к высшим (божественным) ценностям и к высшему (божественному) смыслу. Эту позицию можно, на наш взгляд, характеризовать как специфическую, исторически определенную, форму утверждения субъектности человека. Но, тем не менее, интенция к отрицанию этой субъектности мощно присутствует, можно сказать, во всех вариантах теоцентризма.

Авторы социоцентрической ориентации, так или иначе отрицающие субъектность человека, убеждены, что все поступки человека детерминируются многообразными социальными факторами. Иными словами, и для таких авторов человек является всего лишь специфическим звеном некоторых (социокультурных) причинно-следственных рядов. Логика таких авторов вполне понятна. Они исходят из положения, согласно которому, каково общество, в котором сформировался и живет человек, таков и сам человек. Следовательно, для них истинным субъектом является не человек, а соответствующий социум. Хорошо известно, что такая социоцентрическая логика отрицания (или, по крайней мере, минимизации) субъектности человека нередко приводила к стратегии целенаправленного формирования «нового человека». История показала, что эта логика и эта стратегия являются весьма опасными для осуществления даже основополагающих прав и свобод человека. В соответствии с такой стратегией многими революционерами ставилась задача создания «нового человека», который будет обладать наперед заданными качествами. В реальности, как показывает опыт истории, эта стратегия вела к насильственному насаждению вполне определенной идеологии, подавлению прав и свобод членов такого общества и т.д. Вспомним в связи с этим, в частности, советскую попытку создания «нового человека». Яркие образы «новых людей» зафиксированы также в широко известных антиутопиях: «Мы» Е. И. Замятина, «О дивный новый мир» О. Хаксли. Как хорошо известно, субъектность этих «новых людей» была, по сути, полностью подавлена соответствующим социумом. Этот социум превратился, можно сказать, в хорошо отлаженную, беспощадную по отношению к человеку, социальную машину, а «новые люди» – в легко заменимые детали этой грандиозной и страшной машины.

Как уже отмечено, значительное распространение в наши дни получил подход, сторонники которого отрицают субъектность человека, опираясь на разработки представителей нейронауки. Впрочем, на первый взгляд, представляется, впрочем, что нынешняя нейронаука не отрицает субъектности человека, а утверждает особую разновидность этой субъектности. А именно: в

качестве субъекта (познания, принятия решений, поступков...) многие представители современных нейронаук рассматривают головной мозг человека. Иначе говоря, именно головной мозг человека, по их убеждению, является подлинным субъектом. Именно головной мозг человека рисует образ мира, в котором живет человек. Именно головной мозг детерминирует поступки человека и т.д. Итак, вроде бы, с такой точки зрения, истинная субъектность человека воплощена в головном мозге человека (см. об этом, например, [Фрит, 2012]). Но более внимательное рассмотрение такого подхода показывает, что и головной мозг человека не является здесь воплощением субъектности человека. Дело в том, что для представителей нейронаук головной мозг человека, как и все другие компоненты человеческого организма, вполне подчинен в своей деятельности биологическим, электрохимическим, физическим и т.п. детерминациям. Иначе говоря, головной мозг человека (не его таинственная душа, не его загадочное «я») рисует для этого человека образы действительности, принимает за этого человека решения и т. д. Но сам головной мозг, в свою очередь, в полной мере подчинен многообразным детерминациям, а потому не может претендовать на роль истинного субъекта.

Значительный интерес в этом плане представляет позиция британского нейрофизиолога Анилы Сета, развитая им в книге «Быть собой: Новая теория сознания» [Сет, 2023]. Это очень интересная книга, насыщенная богатым материалом современной науки о мозге. В то же время это весьма спорная и, я бы сказал, односторонняя книга. Дело в том, что, как уже сказано, она написана нейробиологом и на материале нейробиологии, но проблемы, в ней обсуждаемые, явно выходят за пределы биологической науки. В частности, ее автор пытается обсуждать фундаментальные философские проблемы: прежде всего, проблему сознания, а также проблему «собственного сознательного я». Обсуждая эти проблемы, Анил Сет приходит к выводу, согласно которому «сознательное восприятие мира и самих себя являет собой формы возникающего в мозге предвидения – «контролируемых галлюцинаций», которые являются результатом жизнедеятельности организма». Он утверждает также, что наше я не есть деятель, осуществляющий восприятие. ««Я» – это такой же продукт восприятия, очередная контролируемая галлюцинация...» [Сет, 2023: 16, 176]. Как видим, автор названной книги осуществляет редукцию фундаментальной философской проблемы к ее биологической (нейробиологической) проекции. И, соответственно, он приходит к сугубо биологическому ее «решению»: на место сознательного «я» человека он ставит его головной мозг.

Надо сказать, что такого рода редукционистский подход к проблеме сознательного «я» и к проблеме сознания получил в последние десятилетия довольно широкое распространение. И здесь можно было бы указать немало книг, написанных с таких позиций. Укажу только две из них. Это – книга Дика Сааба с весьма красноречивым названием: «Мы – это наш мозг: от матки до Альцгеймера» [Сааб, 2019]. Это также книга Томаса Метцингера с не менее

красноречивым названием: «Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго» [Метцингер, 2017].

При чтении сочинений такого рода иногда кажется, что их авторы с какой-то не очень понятной радостью сообщают нам: «А никакого «я» нет, а «я» – это всего лишь иллюзия!» – Но что радостного для человека может содержаться в этих сообщениях?!

В основе подхода упомянутых нейробиологов к проблемам сознания и реальности индивидуального «я» лежит, на наш взгляд, неправомерное отсечение принципиально важного для решения указанных проблем их социокультурного измерения. Такой подход, сводящий, в частности, проблему сознания к изучению деятельности головного мозга человека, мы вслед за Е. Е. Соколовой характеризуем как воинствующий «церебрализм» [Соколова, 2016: 86]. Мы убеждены, что современные нейронауки вносят незаменимый вклад в постановку и в решение и проблемы сознания, и проблемы человеческого «я». Однако ресурсы нейронауки, как и любой другой специальной науки (психологии, информатики и т.д.), по нашему мнению, недостаточны для системной, целостной постановки и решения этих проблем. Дело в том, что названные проблемы являются не только комплексными научными проблемами, но и фундаментальными философскими проблемами. Соответственно, и их постановка, и их решение требует совместных усилий представителей многих специальных наук и, конечно, усилий философов. См. об этом также [Финогентов, 2023].

3. *Анализ постмодернистской идеи «смерти субъекта»*

В то же время признание субъектности человека ведет к очень серьезным теоретическим трудностям. В самом деле, кто этот субъект («сам»)? Где он скрывается в человеке? Чем он определяется в своих решениях и поступках? Как ему удастся быть не зависимым от соответствующих физиологических, психологических, социокультурных причин? – Это действительно сложные вопросы. И их обсуждение заводит в такие «дебри», из которых, как многим представляется, вообще не выбраться.

Указанные трудности так велики, что в последние десятилетия не только представители нейронаук, но и многие другие исследователи, прежде всего, философы-постмодернисты заговорили о «смерти субъекта». По всей видимости, постмодернистская идея «смерти субъекта» является самой радикальной и, так сказать, вполне сознательной формой отрицания субъектности человека. Любопытно разобраться с аргументами, на основании которых философы-постмодернисты пришли к указанной идее.

Впрочем, сама эта идея формулируется философами-постмодернистами, на наш взгляд, не слишком отчетливо и к тому же сопровождается многими оговорками. Иногда они очень смело пишут о «смерти субъекта», о «смерти человека», о «смерти Бога» и о «смерти автора» [Фуко, 1994], [Кристева, 2013]. См. об этом также [Грицанов, 2007], [Дьяков, 2008]. Так, например, в указанных сочинениях можно встретить формулировки: «в самой глубине субъективности нет никакого «я»»; «интерпретирующее Я» есть не более чем

текст, сотканный из «культурных универсалий и дискурсивных матриц, культурных кодов и интерпретационных концепций»; «субъект децентрирован, то есть вообще не имеет центра». Но затем они указывают, что речь у них идет только об отказе от картезианского субъекта, что у каждой эпохи свое понимание субъекта и т.п.

Пытаясь в общих чертах оценить постмодернистскую идею «смерти субъекта», следует отметить несколько моментов.

Первый из них уже указан нами: в этой идее фиксируется невероятная сложность проблемы субъектности человека. Кроме того, в этой идее вполне правомерно выражено также то обстоятельство, что предшествующие и до сих пор широко распространенные представления о субъектности человека недостаточны и неадекватны.

Это, так сказать, позитивная составляющая обсуждаемой идеи. Но верно говорят: наши недостатки – это продолжение наших достоинств. В данном случае это проявляется в том, что абсолютизация и прямолинейная трактовка идеи «смерти субъекта», как нам представляется, уводит от плодотворного обсуждения проблемы субъектности человека. Да и сама эта идея не слишком убедительна.

Проиллюстрируем указанное обстоятельство.

Так, постмодернисты вполне обоснованно указывают на то, что «субъект – это всегда становящееся, но никогда не ставшее». И тем самым, как нам кажется, они «ломаются в открытую дверь». – Кто же с этим будет спорить?! Да, человек изменчив, историчен. Но, вообще говоря, таковыми являются, по сути, все субъекты бытия: звезда, камень, живой организм. Каждый из них на любом этапе его существования характеризуется единством самотождественности и несамотождественности. А это в свою очередь позволяет говорить также о преемственности в существовании любого субъекта бытия, о пребывании этого субъекта в течение определенного времени в пределах некоторого качества. Известная степень самотождественности изучаемого субъекта бытия, преемственность в его существовании задается свойственными ему разнообразными формами памяти. Память полностью отсутствует только у таких фрагментов универсума, которые осуществляют чисто хаотические процессы. Очевидно, что человек не является таким фрагментом универсума. Поэтому, очевидно, отрицать наличие субъектности человека на основании его изменчивости и историчности неправомерно. Субъектность человека действительно текуча и недолговечна, но это отнюдь не делает её несуществующей.

При обосновании идеи «смерти субъекта» постмодернисты помимо изменчивости и историзма субъекта указывают на его внутреннюю множественность, децентрированность, гетерогенность. И опять-таки с этим аргументом, выраженным в общей форме, несомненно, следует согласиться. Но отрицает ли этот аргумент бытие субъекта, соответственно, отрицает ли он субъектность человека? По нашему убеждению, этот аргумент отрицает лишь упрощенное понимание субъекта и соответствующее – упрощенное –

понимание субъектности человека. А именно: он отрицает понимание субъекта в качестве некоего монолита, в качестве некоего гомогенного образования. Но давно и хорошо известно, что разнородность, многоуровневость и многоаспектность ничуть не отрицают единства и целостности. Так, например, живой организм включает в свой состав множество компонентов: сердечно-сосудистую, нервную, эндокринную, пищеварительную и т.д. Но эта множественность и гетерогенность совсем не исключает единства и целостности организма. В некотором смысле аналогично обстоит дело и с субъектностью человека. Интерес в обсуждаемом контексте представляет статья современного психолога В. Н. Цапкина, имеющая, кстати, очень показательное название: «Личность как группа». Здесь указывается в частности, что «представление о гетерогенной, полифонической структуре личности широко представлено в психологических теориях, лежащих в основе таких методов психотерапии и психологической помощи, как психоанализ («я», «оно», «сверх-я»), аналитическая психология («я», эго, персона, тень, анима) ... психосинтез (субличности)...» [Цапкин, 2009: 78]. Далее автор статьи совершенно справедливо пишет, что в принципе эту внутреннюю фрагментированность личности можно преодолеть «посредством интеграции «отщепленных» «кусков», принятия их как собственных аспектов, установления уже сознательной коммуникации с и «между» этими частями личности» [Цапкин, 2009: 79]. С соответствующими поправками цитированное, на наш взгляд, справедливо и по отношению к проблеме субъектности человека: внутренняя множественность и гетерогенность не исключают единства и целостности человека, не исключают субъектного характера его бытия. Разумеется, это единство и эта целостность текучи и временны. Но об этом мы говорили чуть выше.

Заключение

Нам осталось подвести итоги проведенного выше обсуждения субъектности человека.

В нашей статье мы подчеркнули высочайшую значимость феномена субъектности человека для понимания и (само) оценки человека. Мы попытались показать также неубедительность разнообразных вариантов отрицания субъектности человека.

Отметим в заключение еще один, очень существенный для обсуждения субъектности человека момент.

Становление человека и культуры породило новый уровень бытия универсума. А именно: человек, в отличие от сугубо биологических организмов, даже социально организованных, бытийствует также на качественно новом уровне: на уровне ценностей и смыслов. В одной из предшествующих работ в связи с этим мы писали о том, что становление человека и культуры (то есть возникновение ценностей и смыслов) явилось грандиозной онтологической трансформацией, по сути, онтологической революцией: рождением качественно нового измерения (уровня) бытия универсума: ценностно-смыслового уровня бытия [Финогентов, 2015: 122-125].

Причем – и это в контексте данной статьи самое главное – ценности и смыслы не осуществляются сами собой, как это происходит, например, с камнями, звездами и бактериями. Ценности и смыслы осуществляются только через субъектные решения, усилия и поступки людей. Другими словами, если по каким-то причинам субъектных решений, усилий и поступков людей не будет, то ценности и смыслы перестанут осуществляться. В этом случае они будут существовать только в потенции, в возможности.

Таким образом, субъектное начало в человеке – это творец, хранитель и страж ценностей и смыслов. Иначе говоря, субъектное начало в человеке – это творец, хранитель и страж культуры. Соответственно, можно констатировать, что на человеке – единственном во Вселенной известном нам носителе субъектного начала – лежит своего рода вселенская ответственность за осуществление в универсуме указанного (ценностно-смыслового) уровня бытия.

Список литературы

Бердяев, 1994 – *Бердяев Н. А.* Судьба человека в современном мире. К пониманию современной эпохи / Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 318-362.

Грицанов, 2007 – *Грицанов А. А.* Смерть субъекта / Новейший философский словарь. Постмодернизм. Мн.: Современный литератор, 2007. С. 619-621.

Достоевский, 1982 – *Достоевский Ф. М.* Записки из подполья / Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 2. М.: Издательство «Правда», 1982. С. 400-504.

Дьяков, 2008 – *Дьяков А.В.* Мишель Фуко: о «смерти человека», о свободе и о «конце философии» / Вестник истории и философии КГУ. Серия «Философия». 2008, № 2. С. 45-53.

Кристева, 2013 – *Кристева Ю.* Семиотика. Исследования по семанализу. М.: Академический проект, 2013. 288 с.

Лютер, 1986 – *Лютер М.* О рабстве воли / Эразм Роттердамский. Философские произведения. М.: Издательство «Наука», 1986. С. 290-545.

Метцингер, 2017 – *Метцингер Т.* Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель эго. М.: Издательство АСТ, 2017. 414 с.

Сааб, 2019 – *Сааб Д.* Мы – это наш мозг: от матки до Альцгеймера. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. 544 с.

Сет, 2023 – *Сет А.* Быть собой: Новая теория сознания. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 400 с.

Соколова, 2016 – *Соколова Е. Е.* Деятельностное понимание психического в трудах Э.В. Ильенкова и школы А. Н. Леонтьева vs. воинствующий «церебрализм» Neuroscience / Философия Э. В. Ильенкова и современность: Материалы XVIII Международной научной конференции

«Ильенковские чтения». Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 86-90.

Финогентов, 2015 – *Финогентов В. Н.* Человек на грани небытия: Философские этюды. Орел: Полиграфическая фирма «Картуш», 2015. 248 с.

Финогентов, 2023 – *Финогентов В. Н.* Возможно ли решение философских проблем методами и средствами специальных наук? / Финогентов В.Н. Будущее: наше и не наше: Философская мозаика. Орёл: Издательство «Картуш», 2023. С. 157-173.

Фрит, 2012 – *Фрит К.* Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М.: Астрель: CORPUS, 2012. 335 с.

Фуко, 1994 – *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 407 с.

Цапкин, 2009 – *Цапкин В.Н.* Личность как группа / Психология личности. М.: АСТ: Астрель, 2009. С. 74-80.

УДК 101.1:316.

Муснец П. В.,

*кандидат философских наук, доцент,
кафедра военно-политической работы в войсках (силах),
Военная академия воздушно-космической обороны
имени Маршала Советского Союза Г. К. Жукова*

Альтеральность в контексте процессов субъективации

DOI: 10.33979/2587-7534-2024-3-47-54

Статья посвящена социально-философскому анализу альтеральности как атрибута социального субъекта в его динамическом аспекте. Автором рассматриваются различные виды альтеральности в контексте процессов субъективации. Подчеркивается затруднённая познания Другого и взаимопонимания в условиях перманентной изменчивости социального субъекта. Сформулированы выводы о роли альтеральности в пространстве бытия социального субъекта на групповом и индивидуальном уровнях. Указаны основные направления реализации рассматриваемого подхода в современном мире.

Ключевые слова: *альтеральность, социальный субъект, субъективация, Другой, социальная реальность, виды альтеральности, гетерология, инаковость.*

Musiets P. V.,

*Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of Department of military-political work*